

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ: ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

ВЕСНА. ПРАВОСЛАВИЕ НА АЛТАЕ. СТАРАЯ И НОВАЯ ВЕРА НА ПЕРЕЛОМЕ ВРЕМЕН

Современный Солонешенский р-н расположен в юго-восточной части Алтайского края РФ, там, где низкогорье граничит со степью; на его территории площадью 3 529 км² ныне находятся 32 населенных пункта; на начало 2006 г. в них насчитывалось 12,4 тыс. чел. из более чем 2,6 млн населения Алтайского края (<http://www.altairregion.ru/rus/territory/regions/solonehrain/>). Сегодня в районе проживают русские, белорусы, немцы, украинцы, казахи, татары, чуваши, алтайцы, армяне, азербайджанцы – старожилы и переселенцы XIX, XX и уже XXI вв. Истоки формирования этого полигэтнического сообщества восходят к XVIII в., когда после включение Алтая в состав Российской империи началось освоение его территории. Оно определялось особенностями ведомственной политики Царского Кабинета – собственника алтайских земель, который ограничивал движение населения в пределы Алтайского горного округа. Однако возникший уже в первой половине XVIII в. стихийный миграционный поток постепенно набирал силу; с Севера Европейской России, из Поволжья, с Урала, из Сибири уходили на Алтай переселенцы; формировались казачьи станицы, появлялись крестьянские села и заимки староверов.

В XVIII в. в границах нынешнего Солонешенского р-на, по оценкам специалистов, насчитывалось 17, в XIX в. – 105, а в XX в. – ок. 130 населенных пунктов; на административной карте одно за другим появлялись села: Сибирячиха, Солонешное, Песчаный, Топольное, Тележиха, Туманово, Березовка, Лютаево и др. [Владимиров, Колдаков]. Первое упоминание о с. Солонешном относится к 1828 г.; к нему были приписаны выходцы из Барнаульской волости Емельян Нагибин, Гавриил Гребенщиков, Осип Булатов, Клементий Шадрин и др. В 1834 г. в Солонешном насчитывалось 226 чел., в 1893 г. – ок. 800, в 1917 г. – 2 146 чел.; 57 % хозяйств были старожильческими, другие принадлежали переселенцам – выходцам из Томской губернии [Дрожецкий, 2004, с. 76].

Российские, сибирские переселенцы стали активно обживать эти места со второй половины XIX в., когда в 1865 г. были открыты границы Алтайского горного округа. Значительную их часть (58 %) составляли уроженцы Томской губернии; многочислен-

ными были также переселенцы из Пермской (10 %) и Оренбургской (6 %) губерний. Горно-степные и таежные ландшафты Северо-Западного Алтая привлекали запасами строевого леса, раздольем пахотных земель и пастбищ и удобным географическим положением [Там же, с. 78].

В то же время в долинах Черги и Ануя появились выходцы из казахских степей. Их движение в пределы Алтая началось еще в первой половине XIX в.; к середине столетия казахские кочевья занимали уже всю юго-западную часть Алтайского горного круга. В 1835 г. в этом районе возникла Сарасинская ино-родческая управа, заметную роль в формировании которой играли “степские” казахи, сохранившие язык и самосознание, но принявшие стандарты крестьянской культуры и заповеди старой православной веры, – как следует из миссионерских записок, сарасинские “инородцы” были старообрядцами. Именно они (вероятно, приняв новообрядчество) заложили основы казахского анклава, на протяжении второй половины XIX в. формировавшегося в урочищах по долине Ануя – в селах Черный Ануй и Турата.

Конец XIX в. был отмечен активными миграциями в зоне взаимодействия кочевой и земледельческой культур в предгорных районах Алтая. Среди местных жителей преобладали русские; они составляли 97,8 %, украинцы – 1,43, мордва – 0,65, поляки – 0,08, латыши – 0,04 %.

Особую роль в освоении таежных и лесостепных территорий Алтая играли русские старообрядцы. Их проникновение в регион началось еще в XVIII в., когда после столетия гонений в Екатерининскую эпоху последователи “древнего благочестия”, расселившиеся по окраинам огромной империи, были приняты в состав российских подданных. Старообрядцы разных согласий были широко расселены в зоне влияния Алтайской духовной миссии, учрежденной указом Святейшего синода в 1828 г.; они проживали по всему Северо-Западному Алтаю, в т.ч. в Черноануйском отделении, созданном к 1848 г., а позднее – в Белоануйском и Абайском, выделившихся из Черноануйского. Как край староверов-раскольников Солонешенская земля и соседние села –

Черный и Белый Ануй, Каракол и др. – были известны в конце XIX – начале XX в.

Наиболее распространенным среди старообрядцев Северо-Западного Алтая являлось согласие часовенных; его многочисленная община существовала в с. Топольном, основанном в 1829 г. В 1834 г. в нем насчитывалось 166 хозяйств; согласно переписи 1917 г. в селе проживало 2 333 чел.; 76 % были старожилами, прочие – выходцами из Воронежской, Тамбовской, Полтавской, Оренбургской, Рязанской, Вятской, Пензенской, Томской губерний [Там же, с. 77]. Тополинские старожилы и переселенцы были разделены на три “села” – верхнее, среднее и нижнее, каждое из которых жило собственной общественно-религиозной жизнью, в каждом имелась своя молельня.

Часовенные старообрядцы-беспоповцы также преобладали в селах Туманове, Черемшанка, Колбине (Искра), Елинове. Рядом с ними соседствовали общины поморского согласия. Поморцы (тоже беспоповцы) были представлены все в том же Елинове, а также в селах Лежанове, Лятаеве, Карпове и др. Каждая община имела своего наставника и молитвенный дом.

Особое место в этноконфессиональном сообществе Северо-Западного Алтая занимала единоверческая община с. Сибирячиха, основанного в 1824 г. В 1834 г. в нем проживало 321 чел., в 1893 г. – уже более 1 300, а в 1917 г. – 2 779 чел. К началу XX в. 68 % хозяйств Сибирячихи были старожильческими; новоселами стали выходцы из 23 губерний России: Томской, Тобольской, Оренбургской, Пермской, Тамбовской, Воронежской, Вятской, Рязанской, Полтавской, Черниговской и др. В селе, кроме прочего, были построены единоверческая Никольская церковь и церковно-приходская школа [Там же, с. 75–76].

Как известно, единоверческая (соединенческая) церковь в рамках согласия старообрядцев-поповцев была основана в России по высочайшему указу императора Павла в 1790 г. и в начале XIX в. рассматривалась как переходная форма от старообрядчества к новообрядчеству. Она придерживалась старых, дониконовских канонов в обрядах, чинах и уставах, но подчинялась архиереям реформированной православной церкви.

Старообрядцы долго сторонились новой церкви, считая ее “западней”, соблазнявшей сходством со старыми книгами и древними обрядами. Массовый насильтственный переход в единоверие начался в царствование Николая I, когда правительство отбирало у старообрядцев храмы и монастыри, превращая их в единоверческие. С течением времени единоверцы теряли старообрядческие традиции, но лишь после революции 1917 г. провозгласили свою церковь независимой [Мельников].

Принято считать, что в Сибири первая единоверческая (Свято-Троицкая) церковь была основана в

Томске в 1836 г. Ее прихожанами стали перешедшие в единоверие старообрядцы, населявшие в XVIII–XIX вв. “раскольничу слободку” старого города. На Алтае единоверие получило развитие с началом активного переселения из сибирских и российских губерний. В с. Сибирячиха община единоверцев стала центром притяжения старообрядцев иных согласий, и прежде всего старообрядцев-“поляков”, также приемлющих священство. Согласно традиции, первопоселенцами Сибирячихи стали Ларион Бурыкин, Морисей Каверзин, Афанасий Гордеев и другие выходцы из с. Петропавловского Бийской волости – всего 62 души мужского пола, которые в 1824 г. переселились на речку Сибирячиху, приток Ануй [Дрожецкий, 2004, с. 75–76]. В свою очередь, с. Петропавловское возникло, как следует из материалов ревизских описей, к 1782 г., когда 74 души мужского пола “польских поселенцев” по желанию ушли из д. Староалейской на р. Ануй [Курилов, Мамсик, 1998, с. 25].

“Поляки” появились в горах Западного Алтая в конце XVIII в. Их водворение было связано с событиями Екатерининского времени – со “второй выгонкой” старообрядцев с Ветки и Стародубья, из зоны российско-польского пограничья, где к середине XVIII в. сформировались крупные религиозные центры – “раскольничьи слободы”. В 1760-х гг., в период политического кризиса Речи Посполитой и активного продвижения России в западном направлении, с Ветки в Сибирь было выслано несколько тысяч “беглых раскольников”. Часть из них оказалась в Забайкалье, положив начало “семейским”, другая – в статусе штрафных колонистов – была отправлена на Алтай для заселения пограничной линии от Усть-Каменогорской крепости до Бухтармы.

Позднее, расселившись по Бухтарминскому краю, старообрядцы-“поляки” приняли участие в освоении Уймонской степи и Северо-Западного Алтая. Переходя в условиях горно-степного и горно-таежного ландшафтов на новые технологии жизнедеятельности, они сохранили южно-русские традиции в бытовой и духовной культуре, а активное взаимодействие с иными старообрядческими общинами, в т.ч. выходцами с Русского Севера, из Поморья и с Урала, позволило “полякам” органично влиться в региональные этноконфессиональные сообщества Алтая.

К началу XX в. старообрядцы-“поляки” проживали во многих селах Северо-Западного Алтая, в т.ч. в Топольном, Сибирячиха и др. Нивелирование различий в границах старообрядческих согласий в условиях дисперсного расселения было неизбежным. “Поляки”, принадлежа к кругу поповских толков, смогли найти общий язык с единоверцами.

С течением времени села Сибирячиха и Солонешное, где значительную часть населения составляли старообрядцы (и единоверцы), превратились в круп-

ные центры ярмарочной торговли и кустарной промышленности. Житейское благополучие хранителей “древнего благочестия”, истовых в труде и вере, сочеталось с их независимостью по отношению к официальной власти и церкви.

Представлявшая интересы Русской православной церкви Алтайская духовная миссия оценивала взаимодействие со старообрядцами в категориях противостояния. В с. Солонешенском во второй половине XIX в. был воздвигнут православный (миссионерский) храм, при котором существовало училище, воспитывавшее молодое поколение в духе лояльности к официальной церкви. К концу XIX – началу XX в. миссионерские храмы были построены во многих соседних селах: в 1885 г. – Свято-Троицкая церковь в с. Черный Ануй, в 1886 г. – приписная церковь Во имя Св. Великомученика Пантелеимона в с. Мариинском, в 1898 г. – приписная церковь Во имя Св. Пророка Ильи в с. Ильинском, в 1904 г. – приписная церковь Во имя Архистратига Божия Михаила в с. Белый Ануй и др. (ЦХАФ АК, ф. 164, оп. 2, д. 28, л. 187–190 об.).

В начале XX в. Алтайская духовная миссия имела 30 миссионерских станов, более 40 церквей, десятки часовен, 84 школы (<http://altai.eparhia.ru/history/>). Вместе с епархиальным противораскольническим обществом – Братством Св. Димитрия, митрополита Ростовского, – она вела настойчивую борьбу с хранителями “древнего благочестия”. В обращении общества “Слово любви к братьям, чадам православной церкви” говорилось: “Простительно ли было бы нам, христианам, если бы мы, обладая главнейшим счастьем человеческой жизни, не желали бы того счастья другим, по заблуждению своему отказалось от него, и владели бы им безраздельно и своекорыстно лишь одни?

...Но забота об обращении раскольников составляет долг каждого из нас не только как христианина, но и как истинного русского человека, есть долг не только церковный, но и гражданский. Православная церковь и Русское государство искони связаны между собой внутренними неразрывными узами. Святая православная вера была и есть всегдашая опора и твердыня нашего государства. Раскол, враждебно настроенный по отношению к православию, может ли быть искренно расположенным и к православному государству? Может ли из среды своей дать безуказанных, благонадежных и верных граждан?” (ЦХАФ АК, ф. 164, оп. 2, д. 4, л. 13).

Забота об интересах государства и церкви определяла практическую деятельность отцов-миссионеров по обращению в православие. Однако количество присоединенных раскольников к началу XX в. не превышало 2 % от общего количества старообрядцев, численность которых непрерывно возрастила. По оценкам православных священников, только на

территории Солонешенского прихода в это время проживало ок. 1 560 душ староверов [Иванов, 1998, с. 234; Куприянова, 2004, с. 292].

Особую тревогу Алтайской духовной миссии вызывало влияние старообрядцев на коренное население края. Ее основатель (и руководитель с 1830 по 1844 г.) – архимандрит Макарий (Глухарев), впоследствии причисленный к лику святых, – сетовал на то, что раскольники “сворачивают инородцев”. Еще в 1870-х гг. Царским Кабинетом было издано “распоряжение о недопущении заселения среди алтайских инородцев раскольников”. Но и в конце XIX в. миссионерские отчеты пестрели жалобами о переходе в “раскол” и переселенцев, и новокрещеных “инородцев” и язычников: “Там, где живут по соседству с новокрещенными раскольники, повсюду можно встретить раскольников-инородцев, которые в ненависти к православной церкви ничуть не уступят своим учителям” [Иванов, 1998, с. 233]. Опасения миссионеров были оправданы. Старообрядчество находило отклик среди коренных жителей Алтая. До сих пор старики алтайцы в селах Черный Ануй, Колбино (Искра), Мариинское вспоминают о прежней “голубиной” вере, которая когда-то существовала в этих краях. В 1901 г. один из православных пастырей Солонешенского прихода Иоанн Кормин, подводя итог своей многолетней работе, с горечью писал о том, как в “неравной борьбе с сильным врагом – фанатичным расколом” он лишь понапрасну терял нравственные силы и паству, которая оказалась подвержена “раскольнической пропаганде” (ЦХАФ АК, ф. 164, оп. 2, д. 17, л. 6). И все же, рассматривая верность истинному православию как фактор лояльности к государству, миссионеры активно внедряли символы веры в инородческую и раскольническую среду. Их успехи получили широкое признание Русской православной церкви. На Иркутском миссионерском съезде 1910 г. Алтайская духовная миссия была названа “образцом и руководителем” для других миссий, потому что воспитала целую плеяду миссионеров-подвижников, среди которых были те, кого еще при жизни именовали апостолами Алтая. Однако при всей глубине и силе апостольских устремлений миссионеры сталкивались с несокрушимой верой старообрядцев в греховность мира, отошедшего от праведности старых устоев.

До Указа 17 октября 1905 г. деятельность староверов рассматривалась Русской православной церковью как противоправная. Серебряный век старообрядчества на Алтае, как и в России в целом, наступил вслед за изданием манифеста “О веротерпимости” 1905 г. и указа “О порядке устройства общин” 1906 г. Тогда староверческие общины Алтая образовали четыре благочиния. В мае 1908 г. на Алтае была зарегистрирована община белокриницкой иерархии, в

1911 г. завершилось строительство церкви Воздвижения Креста Господня, в Барнауле были организованы три благочиния и семь старообрядческих приходов (<http://www.altairegion.ru/tus/info/culture/religion>). Но период расцвета старообрядчества на Алтае был недолгим. В 1917 г. произошел слом устоявшихся социально-политических, экономических и этноконфессиональных моделей. Революция поставила под сомнение и веру, и житейские ценности староверов Алтая. Часть из них, пытаясь отстаивать привычные устои, включилась в повстанческое контрреволюционное движение. Колчаковским режимом в крае были организованы дружины “святого креста” для самообороны и борьбы с партизанскими отрядами, поддерживавшими новую советскую власть. В политическом противостоянии начала XX в. обострились конфессиональные и этнические противоречия прежних времен.

Старообрядцы старались разобраться в причинах и следствиях происходивших перемен. Один за другим в 1920-х гг. в селах Бийского округа проходили соборы, обсуждавшие перспективы существования этноконфессионального сообщества края в рамках нового социально-политического режима. Единства не было: жители сел Тележиха, Топольное, Туманово, Елиново, Колбино (Искра), Сибирячиха, Солонешное и др. поддерживали кто части Красной Армии и партизанские бригады, кто отряды Колчака [Куприянова, 2004, с. 293–297].

В 1921 г. Солонешенскую землю охватило восстание Игнатья Колесникова. Его разгром летом 1922 г. положил конец братоубийственной войне и послужил толчком к исходу старообрядцев с Алтая [Беликова, 2004, с. 161–162]. Спасаясь от “безбожной власти”, коллективизации и преследований, староверы уходили в глухие горные ущелья Саяно-Алтая, в Китай и Монголию; старались затеряться на золотых приисках или на стройках больших городов Сибири и Дальнего Востока.

Экономическая стабилизация эпохи НЭПа зародила надежду на сохранение прежних социокультурных устоев. Однако сотни старообрядческих семей уже были сорваны с места. Миграции захлестнули Алтай; старожилы покидали родные села. Волны старообрядцев России и Урала двигались в Сибирь. Известно, например, что ушедший с отрядами Колчака лидер часовенных Урала Иван Мокрушин (первый редактор “Уральского старообрядца”) вместе с семьей обосновался на Солонешенской земле. Его отец – наставник одной из общин екатеринбургских часовенных Порфирий Мокрушин – поселился в тех же местах. Большебачацкий собор 1923 г. разбирал заполненную им анкету для регистрации религиозного общества в Бийском исполнительном комитете. В 1928 г. в

Бийск с Урала переехал “зачинщик михайловского толка” М. Дерябинников [Клюкина].

Сибирь казалась свободным краем; но уже с середине 1920-х гг. здесь, как и повсюду в Советской России, стала активно разворачиваться антирелигиозная кампания. Многие старообрядцы были репрессированы в 1930-х гг. Дважды (в 1931 и 1935 гг.) Иван Мокрушин по приговору суда отправлялся на принудительные работы. В 1938 г., когда он работал главным бухгалтером в одном из хозяйств Солонешенского р-на, его арестовали в третий раз, обвинив в руководстве старообрядческой монархической организацией “Братство русской правды”, которая якобы по заданию Харбинского белоэмигрантского центра создавала в Сибири и на Урале “повстанческие кадры”, организовывала развал колхозов, печатала контрреволюционные листовки. Были выявлены десятки членов “Братства”, в их число попали многие представители часовенного и других старообрядческих толков, а вместе с ними и православные. Тотальный разгром церквей пришелся на 1930-е гг. [Там же]. К 1925 г. на Алтае существовала 351 православная община и ок. 300 организаций других конфессий, включая старообрядцев. В 1931–1937 гг. было распущено 185 приходов Русской православной церкви; в 1938–1939 гг. прекратила деятельность 161 община (<http://www.altairegion.ru/tus/info/culture/religion>).

Воодушевленно оценивая складывающуюся ситуацию, центральный богословский журнал Советской России “Антирелигиозник” в 1931 г. опубликовал статью под названием “Алтай на пути к безбожию”. Этот путь продолжался несколько десятков лет. Воинствующий атеизм сделал одинаково проблематичными и старообрядческую, и новообрядческую версии православия.

Уже в постсоветское время началось восстановление конфессионального пространства Алтая. К середине 2000-х гг. в Алтайском крае официально существовали 240 религиозных объединений 15 конфессиональных направлений; активизировалось старообрядческое движение; были восстановлены шесть православных приходов (<http://www.altairegion.ru/tus/info/culture/religion>). Позиции староверия стали укрепляться и в Республике Алтай, где постепенно набирало силу белокриницкое согласие, имеющее тесные связи с Барнаульской и Новосибирской общинами.

В Алтайском крае в начале 2000-х гг. действовало более 70 православных храмов; строится еще несколько десятков.

В Солонешенском р-не возрождение веры по сей день остается острой проблемой. Доживают свой век последние в старообрядческих общинах наставники и старушки-книжницы, по заветам предков творя посты и молитвы. Сегодня дети, внуки и правнуки тех, кто мучительно пытался совместить веру и политику в на-

чале XX в., лишь понаслышке знают о староверческих толках и согласиях. Остались в семейных преданиях трагические события 1920–1930-х гг. Те, кто был рожден в первые десятилетия XX в., учились уже в советских школах, с честью воевали на фронтах Великой Отечественной войны, поднимали родные деревни в послевоенные годы, занимали руководящие посты в партийном, административно-хозяйственном и профсоюзном аппаратах. Нынешние урожденные старообрядцы Северо-Западного Алтая в большинстве своем не знают основ веры, но во многих домах Солонешенского р-на хранятся бабушкины иконы, бронзовые складни и распятия. Бережно сложены в сундуки дедовские книги, по которым их владельцы учились читать; и время от времени кто-нибудь из сельчан повторяет с давних времен известную в старообрядческой среде присказку: “Церковь не в бревнах, а в ребрах”.

Благодарности

Дирекция Института археологии и этнографии СО РАН, руководство научно-исследовательского стационара “Денисова пещера”, все участники фотопроекта выражают благодарность администрациям Солонешенского района Алтайского края и Усть-Канского района Республики Алтай, а также главам сельских администраций и жителям сел Солонешное, Топольное, Черный Ануй, Каракол, Тог-Алтай за поддержку и плодотворное сотрудничество.

Список литературы

Беликова Т.Г. Установление Советской власти на территории Солонешенского района. 1918–1921 гг. // Соло-

нешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. мат-лов. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 143–168.

Владимиров В.Н., Колдаков Д.В. Динамика образования населенных пунктов Алтайского края [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://old.aik.org.ru/aik/krug/ikk/vladimirov.shtml>.

Дрожецкий Д.А. История заселения Солонешенского района // Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. мат-лов. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 74–85.

Иванов К.Ю. Алтайская духовная миссия: старообрядцы и инородцы // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 233–234.

Клюкина Ю.В. Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX – начале XX в. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.eunnet.net/books/oldb3/chapter3/text.html>.

Куприянова И.В. Старообрядческие общины Солонешенского района в первой трети XX в. // Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. мат-лов. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 291–300.

Курилов В.Н., Мамсик Т.А. “Поляки” Рудного Алтая: историографический миф и демографическая реальность // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 25.

Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви [Электрон. Ресурс]. Режим доступа: http://www.vyatka.su/~umcnd/books/meln_2.htm#1.

И.В. Октябрьская, М.В Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17,

Новосибирск, 630090, Россия.

E-mail:SIEM405@yandex.ru

E-mail:Shunkov@archaeology.nsc.ru

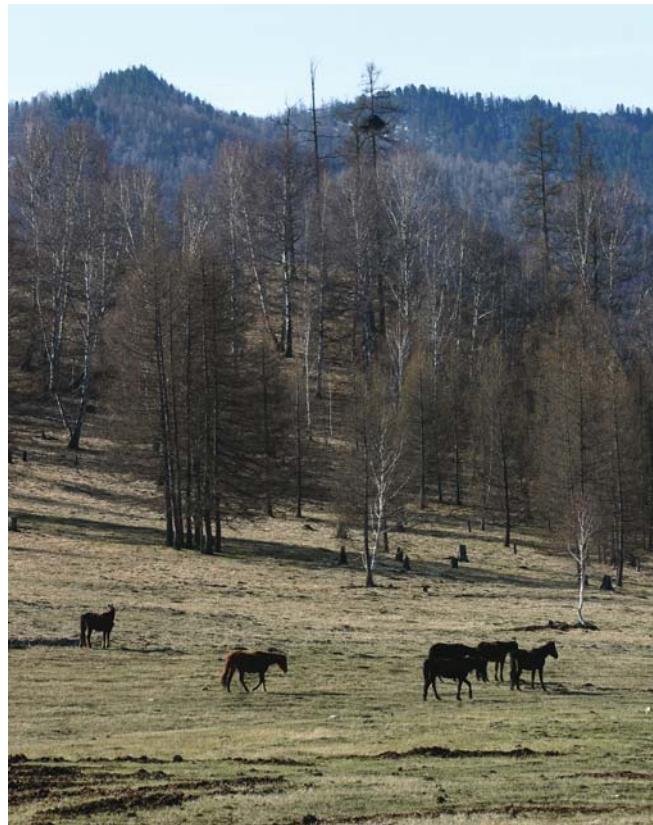
* * *

Фоторепортаж подготовлен Рашидом Салиховым и Максимом Шипенковым (г. Кемерово).

Рашид Салихов родился в 1955 г. в с. Карабарове Кемеровской обл. Окончил Кемеровский техникум пищевой промышленности, затем Кемеровский государственный институт культуры. В фотожурналистике с 1990 г. Печатается в изданиях “Огонек”, “Известия”, “Новые известия”. Является постоянным участником региональных и всероссийскихотовыставок; в 2004 г. представлял свои работы на выставке “Земля Кузбасская” в Москве. На Третьем международном фотосалоне “Сибирь-2004” был награжден специальным призом за серии “Крещение”

и “Весенний призыв”. В настоящее время работает фотокорреспондентом издания “Наша газета” (г. Кемерово).

Максим Шипенков родился в 1982 г. в г. Юрге Кемеровской обл. Окончил Кемеровский государственный университет культуры и искусства. Печатается в изданиях “Коммерсант” и “Комсомольская правда”. Является стипендиатом и участником выставок фонда “Юные даровья Кузбасса”, победителем Всероссийского студенческого фотоконкурса 2003 г. В 2004 г. представлял свои работы на выставке “Земля Кузбасская” в Москве. В настоящее время работает фотокорреспондентом издания “Комсомольская правда в Кузбассе” (г. Кемерово).

1. Р. Салихов. Начало мая. Окрестности села Каракол.

Май пришел на Алтай с прозрачной зеленью лесных околков, внезапными снежными зарядами, бурным разливом рек и ручьев, с горьковатым дымом костров, на которых горел мусор долгой зимы, с огородными работами и традиционным сахманом: на животноводческих фермах по долинам Ануя и его притоков начался окот – и забыли сельчане о выходных и праздниках.

2. Р. Салихов. На маральнике села Каракол начинается рабочий день.

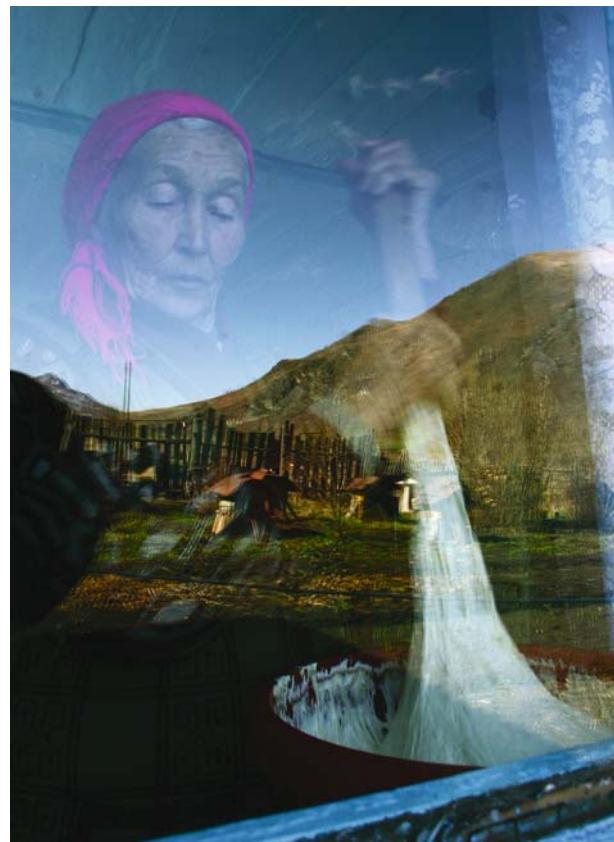

3. М. Шипенков. Утро 1 мая. За столом семья Бейсеновых – Наталья, Миша и Николай. Село Тог-Алтай.

В 2005 г. майские праздники в России совпали с пасхальной неделей. Но не было в селах Солонешенского района Алтайского края ни кумачовых транспарантов, ни колокольного звона. Советские традиции ушли, а православные остались привязанными к семейному кругу.

4. М. Шипенков. Пасха. Село Солонешное.

5. М. Шипенков. День накануне Пасхи. Село Тог-Алтай.

Весна дает надежду на обновление мира. Накануне православной Пасхи душу освобождают от грехов, а дома отмывают от копоти и грязи: “Чтобы Боженка мог без страха через порог перешагнуть” – так говорят старушки, заставляя внучек перемывать полы.

6. Р. Салихов. В доме Тукешевых пекут пасхальную сдобу. Село Каракол.

7. **Р. Салихов.** В семье Клавдии Емельяновны и Геннадия Александровича Колосовых ждут на Пасху гостей: сыновей, снох, внуков и правнуоков. Село Черный Ануй.

В селах Северо-Западного Алтая давно исчезли православные храмы, а церковные праздники остались. Пасха – один из тех дней, которые собирают вместе несколько поколений и не дают угаснуть традициям. “Не стучите яичком по столу, – говорят старики внукам, – вы же Христу по лбу стучите. Это не хорошо, это больно”.

8. **Р. Салихов.** В доме Тукешевых готовятся к Пасхе. К Александре Яковлевне и Егору Петровичу собрались их внуки – Рома, Виталий и Максим Ефимовы. Село Каракол.

9. Р. Салихов. Зинаида Антоновна Порохина – одна из прихожанок старообрядческой общины села Топольного.

Старые праздники возвращают человека к старым ценностям. К пасхальной всемощной достают старообрядки из сундуков “ненадеванные” сарафаны-горбачи; перебирают тканые опояски – они давно вышли из повседневного обихода, превратившись в символы веры и традиции.

10. Р. Салихов. Татьяна Федоровна Климкина “направляет” ткацкий стан. Село Топольное.

11. **Р. Салихов.** Валентина Петровна Федорова – основательница фольклорного движения села Топольного.

В постсоветской России уже не празднуют День международной солидарности трудящихся. Изменился праздник 1 Мая, став праздником труда; но не изменилось ощущение радости, связанное с приходом весны и пробуждением жизни.

12. **Р. Салихов.** К началу мая, когда сходит последний снег, оживают качели. Село Солонешное.

13. **Р. Салихов.** Вера дает надежду на возвращение к жизни.
Реабилитационный центр “Асклейпион” в селе Топольном.

В русской культуре священные истины православия обрели житейские смыслы. Образ Светлой Пасхи – воскрешения, “смертью смерть поправшего”, определил личную перспективу для тех, кто ищет спасения от болей и бед в земном мире.

14. **Р. Салихов.** Весна начинается со стройки.
С наступлением мая в селах звенят пилы. Село Топольное.